

Черный «Кёнигсегг» замер у главного входа в здание телецентра.

Линь Юйтань, крепко сжимая руль, недоуменно покачал головой:

— И какая разница? Зачем ехать самому, если можно было отправить дядю Чэня?

Се Чунъянь отстегнул ремень безопасности.

— Дворецкий уже в летах, я за него беспокоюсь.

Юйтань презрительно фыркнул:

— Только что читал мне нотации об эффективности. Если следовать твоей же логике, ты мог бы послать секретаря Циня.

— Я все равно закончил с делами, так что могу съездить сам. Не вижу в этом проблемы, — спокойно отозвался Чунъянь.

Линь Юйтань окончательно потерял терпение:

— Погоди, а наше обсуждение совместного проекта для тебя уже не дело?

Чунъянь небрежно толкнул дверцу машины:

— Ничего срочного.

Раздраженный его равнодушием, Юйтань выдернул ключ из зажигания и поспешил следом.

— Скажи честно, если бы у тебя намечалось действительно важное совещание, ты бы все равно сорвался ради него?

Се Чунъянь шел уверенным, размеренным шагом.

— Нет, — коротко бросил он, даже не обернувшись.

К этому времени большинство артистов и их команды уже покинули телецентр. У выхода задерживался лишь Линь Юйтин со своими сопровождающими.

Выходя из здания вместе с агентом, Юйтин нос к носу столкнулся с Се Чунъянем. Заметив, как навстречу гостю в панике семенит заместитель директора канала, певец невольно притормозил и присмотрелся.

Мужчина выглядел безупречно: превосходно скроенный, явно дорогой костюм подчеркивал статную фигуру, благородная бледность лица сочеталась с мягкими, изысканными манерами.

Он был дьявольски красив и держался с непринужденным величием человека, привыкшего повелевать.

«Крупная рыба», — мгновенно смекнул Линь Юйтин.

— Идем, — окликнул его менеджер.

— Угу, — лениво отозвался артист, неохотно отводя взгляд.

В запертой гримерной царил непроглядный мрак.

Чэн Фань съежился в углу под окном, ловя взглядом тусклые блики лунного света. Оставалось только безмолвно ждать, пока дворецкий отыщет его.

По правилам съемки промо-плакатов на нем был лишь легкий сценический костюм. Свой телефон он оставил в другой комнате.

Помещение было просторным и пугающе пустым. Свет, судя по всему, вырубили снаружи на щитке — щелканье выключателя ни к чему не привело.

Чэн Фань панически боялся темноты. Окружающий мрак пробуждал в его памяти удушающие воспоминания о чердаке семьи Чэн, где его держали взаперти долгие пять лет. Но здесь было даже темнее: луну на небе почти полностью поглотила тяжелая свинцовая туча.

Откуда-то издалека доносился едва слышный тихий гул работающих приборов, отчего безлюдное здание казалось еще более зловещим.

Чэн Фань крепко зажал уши руками, пытаясь успокоиться.

«В крайнем случае меня обнаружат завтра утром, когда начнется рабочий день», — уговаривал он себя.

Он робко бросил взгляд в окно и осознал, что комната находится на четвертом этаже.

Воспоминание о пережитой когда-то невыносимой, въевшейся в кости боли хлынуло неостановимой волной. Чэн Фань зажмурился, спина мгновенно взмокла от холодного пота.

Его бил озноб, пальцы рук и ног онемели от сквозняка. Он уже забыл, каково это, и теперь всё тело ломило от фантомной боли.

Вдруг в сознании вспыхнуло нелепое, отчаянное желание — безумно захотелось выпить теплого сладкого чая с молоком.

Тем временем в диспетчерской взмыленный заместитель директора лично контролировал просмотр записей с камер видеонаблюдения.

Вскоре операторы засекли нужный момент: Чэн Фань зашел в общую гримерку, но обратно так и не вышел.

Се Чунъянь, надев очки, внимательно изучал экраны. От его ледяного взгляда и жесткого тона присутствующим становилось не по себе.

— Прокрутите записи с цокольного этажа В1, там мелькнула подозрительная фигура. Продолжайте искать, а я пойду за ним.

В полутемных коридорах гулко разносились торопливые шаги. Дядя Чэнь едва поспевал за Се Чунъянем, изнывая от тревоги за молодого господина.

Охранник торопливо отпер дверь гримерной на четвертом этаже, и Се Чунъянь первым переступил порог.

Дядя Чэнь щелкнул выключателем, но безрезультатно. Чунъянь решительно шагнул в темноту. Пройдя вглубь комнаты, он заметил у самого окна съежившуюся хрупкую фигуру.

Услышав шаги, юноша испуганно вскинул голову. В слабом лунном свете блеснули полные слез янтарные глаза. Грим на лице размазался, щеки были бледны как мел.

У Се Чунъяня болезненно сжалось сердце.

— Это я, Чэн Фань, — негромко позвал он.

Узнав этот голос, юноша поспешно отвернулся, торопливо вытер слезы рукавом и лишь тогда оглянулся:

— Ты пришел... — прошептал он едва слышно.

Се Чунъянь подошел ближе. На Чэн Фане был лишь невесомый шелковый костюм, совершенно не защищавший от сквозняков. Мужчина тут же снял свое пальто и набросил ему на плечи.

— Испугался? — Он протянул руки. — Давай я понесу тебя.

— Не испугался, — упрямо буркнул Чэн Фань, хотя дорожки от слез на щеках еще не просохли. Он слегка отстранился: — Я сам дойду.

Придерживая края пальто, он попытался подняться, но онемевшие ноги подкосились. Он попробовал снова, но суставы словно сковало льдом. После второй безуспешной попытки юноша обреченно опустил голову и замер.

Стоявший позади дядя Чэнь взволнованно заламывал руки.

Се Чунъянь шагнул вперед. Высокий мужчина опустился на одно колено и бережно подхватил юношу под спину и колени, легко отрывая от пола.

В этот миг удушливая пелена облаков на небе разошлась. Чистый серебряный свет хлынул сквозь стекло, очертив силуэт Се Чунъяня.

Чэн Фань смотрел на него снизу вверх, различая лишь строгий профиль своего спасителя. Тьма запертой комнаты осталась позади, уступая место теплomu электрическому свету коридора.

В прошлой жизни он бесконечно грезил о том, что кто-то ворвется на его чердак и унесет прочь от вечного кошмара. И сейчас эта детская иллюзия наложилась на реальность с пугающей, спасительной точностью.

— Всё позади, — тихо, но твердо произнес Се Чунъянь. — Мы едем домой.

Чэн Фань уткнулся лбом в его широкую грудь. Плечи юноши задрожали, и он глухо, отчаянно разрыдался:

— Они запирали меня на чердаке... Я так боюсь темноты.

В темных глазах Се Чунъяня на мгновение отразилось глубокое потрясение. Он ничего не ответил, лишь крепче прижал к себе дрожащее тело и молча понес его к выходу.

Когда они добрались до дома, Чэн Фань уже крепко спал.

Бережно уложив его в постель, Се Чунъянь вышел в коридор и принял звонок от своего личного юриста.

— Господин Се, возникли технические неполадки с оттиском личной печати на вашем брачном

договоре с Чэн Фанем, — доложил юрист Ма. — Документ необходимо переподписать. В противном случае прежнее соглашение потеряет юридическую силу, а значит, и запланированный развод окажется недействительным.

Се Чунъянь приоткрыл дверь в спальню и посмотрел на умиротворенное лицо спящего юноши.

— Понял.

— Я сейчас заново вычитываю пункты, — продолжил юрист Ма. — Хочу уточнить детали по девятому параграфу. Вы ведь по-прежнему планируете расторгнуть брак с господином Чэн ровно через год, верно?

Чунъянь помедлил долю секунды.

— Пожалуй, да.

— Отлично, я подготовлю новый экземпляр и вышлю вам на ознакомление.

Прежде чем уйти, Се Чунъянь аккуратно поправил сползшее одеяло.

В этот момент Чэн Фань беспокойно заворочался и сонно пробормотал:

— Хочу... сладкого чая... с молоком...

Когда Чэн Фань открыл глаза, было уже утро. На стуле у кровати по-прежнему висело строгое мужское пальто, мгновенно вернувшее его к событиям прошлой ночи.

Слабо покашливая, он поднялся, чтобы налить себе воды, и заметил краешек красной бумаги, торчащий из кармана пальто.

Любопытство взяло верх. Чэн Фань аккуратно вытянул листок и замер.

«Надо же, он её сохранил...»

В груди шевельнулось странное, щемящее чувство, словно легкий порыв теплого ветра пробежал по глади воды, оставив после себя легкую рябь.

Это была та самая записка, которую он когда-то оставил в клубе «Лиуй».

Всю дорогу до дома Се Чунъянь не выпускал его из объятий. Чэн Фань помнил, как уютно

устроился головой на его коленях, засыпая под мерный шум мотора.

Вспомнив еще и злополучную записку-признание, юноша тихо вздохнул. Неужели Се Чунъянь и впрямь к нему неравнодушен?

Финальное выступление было назначено на сегодня. После обеда дядя Чэнь снова сопровождал Чэн Фаня на телевидение, однако на сей раз их эскорт заметно увеличился: вместе с ними прибыл и секретарь Цинь со своими сотрудниками.

Уже в гримерной, пока визажисты заканчивали работу над образом, Чэн Фань спросил у стоявшего неподалеку секретаря:

— Вас прислал Се Чунъянь?

Тот почтительно кивнул:

— Да, у господина Се сегодня плотный график, поэтому координировать безопасность поручено мне.

Еще по дороге дядя Чэнь обмолвился, что виновника вчерашнего инцидента уже вычислили, так что Чэн Фань догадывался, какова истинная цель визита секретаря Циня.

До выхода Чэн Фаня оставалось три номера. Участники по традиции томились в зоне ожидания за кулисами.

Стоило Чэн Фаню переступить порог, как Линь Юйтин смерил его пренебрежительным взглядом и вальяжно закинул ногу на ногу. Однако когда в дверях показался директор телеканала в сопровождении безупречно одетого секретаря Циня, Юйтин мгновенно преобразился. На его лице расплылась подобострастная улыбка, и он поспешил навстречу важным гостям.

Руководитель канала окинул его холодным взглядом и без обиняков отчеканил:

— Вы отстранены от участия в концерте. Ваше место займет Сяо Лань.

Линь Юйтин растерялся:

— То есть как? Что это значит?

Секретарь Цинь, поправив лацканы дорогого пиджака, с леденящим душу спокойствием произнес:

— Господин Линь, мы официально подаем на вас в суд по обвинению в умышленном нанесении вреда здоровью.

— Нанесение вреда?! — ахнул кто-то в толпе.

— Да ладно, быть не может! — поползли испуганные шепотки среди артистов.

Линь Юйтин побледнел, его самоуверенность мгновенно испарилась:

— В суд? Вы с ума сошли? Это какая-то ошибка!

Секретарь Цинь вежливо, но беспощадно улыбнулся:

— У нас есть неопровержимые доказательства. Камеры зафиксировали, как именно вы отключили рубильник в щитовой. Отпираться бессмысленно.

— Господин Цинь, — заискивающе произнес директор канала, — контракт с господином Линем аннулирован. Дальше действуйте на свое усмотрение.

— Благодарю, — кивнул секретарь и вновь повернулся к онемевшему артисту: — Наш юридический отдел уже связывается с вашим агентством. Советую нанять хорошего адвоката.

Оставив бледного Юйтина приходить в себя, секретарь Цинь подошел к Чэн Фаню:

— Молодой господин, вам пора на сцену. А я закончу здесь.

Линь Юйтин бессильно рухнул на стул, провожая их пустым, невидящим взглядом. Все его амбиции рухнули в один миг.

Чэн Фань даже не взглянул в его сторону. Поправив костюм, он направился к выходу на сцену.

За его спиной зашептались с новой силой — теперь всем нетерпелось узнать, кто стоит за этим таинственным новичком.

Праздничный гала-концерт транслировался в прямом эфире сразу на пяти крупнейших онлайн-платформах страны, приковав к экранам миллионы зрителей.

Голос ведущего объявил сольный хореографический номер. Прожекторы сфокусировались на центре сцены, выхватив из темноты изящный силуэт с нефритовым веером в руках.

Зазвучала пронзительная, полная светлой грусти мелодия.

Под первый глубокий аккорд струнных юноша взмыл в воздух, исполнив безупречный прыжок с переворотом. На огромном заднем экране рассыпались мириады звезд и взошла серебряная луна, сливаясь в единое полотно с летящими шелками белоснежного одеяния.

Обычно подобные сольные выступления воспринимались зрителями как передышка между номерами популярных поп-идолов: в это время люди лениво листали ленту новостей в телефонах.

Однако завораживающее зрелище заставило всех затаить дыхание. Под искусственным звездным небом хрупкий юноша в белом вел безмолвную молитву. В каждом движении, от кончиков пальцев до безупречного изгиба спины, угадывалась поразительная пластика, сила и утонченность.

Это было трагично, нежно и до боли прекрасно.

Экран трансляции мгновенно захлестнул шквал комментариев:

[Боже, кто это?! Неужели Линь Юйтин?]

[Да ладно, Юйтин в жизни так не станцует. Не смешите!]

[Лица не видно, но пластика просто космическая, словно небожитель сошел на землю!]

[Даю две минуты, найдите мне его контакты!]

[Я успела заметить титры в начале, его зовут Чэн Фань]

В кульминационный момент танцор замер, плавно прогнулся назад и губами подхватил лежащий на полу увядший белый цветок.

Камера взяла крупный план. Лицо Чэн Фаня заполнило экраны миллионов зрителей.

Секунда, другая — и чаты трансляций буквально взорвались от восторга.

[Мама дорогая, до чего же он красив!]

[Из какого он агентства?! Хочу видеть его чаще!]

[Оператор, не уводи камеру, дай досмотреть!]

[Погодите... А вам не кажется, что это тот самый парень с отбора в Университете К?]

В одно мгновение в тренды социальных сетей взлетели хэштеги
#ТотСамыйКрасавчикИзУниверситетаК и #НебожительНаВесеннемФестивале.

Бай Доудоу, увлеченно листавшая фанатские паблики, наткнулась на вирусные посты и вихрем полетела смотреть трансляцию.

Увы, к ее приходу музыка уже стихла. На экране остался лишь прощальный кадр — тонкий профиль Чэн Фаня в лучах гаснущих софитов.

Доудоу почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Она слишком хорошо помнила тот день, когда впервые увидела это лицо вживую.

Выступление завершилось, но поднявшаяся в сети буря только набирала силу.

Чэн Ань тоже участвовал в концерте в составе мужской группы, где ему досталась всего одна строчка. Готовясь к выходу за кулисами, он краем уха слышал восторженные вздохи о каком-то «неземном юноше», но значения этому не придавал.

Подумаешь, зажглась очередная однодневная звезда без роду и племени.

Быстро переодевшись, Чэн Фань в сопровождении секретаря Циня направился к выходу. От любых интервью и общения с прессой он наотрез отказался, едва услышав, что Се Чунъянь уже ждет его на парковке.

Пока они шли к машине, секретарь Цинь с улыбкой поддразнил его:

— Младший молодой господин так спешит и не хочет общаться с журналистами только потому, что его ждет господин Се?

Чэн Фань недовольно сощурился:

— Вовсе нет. Я просто устал.

По лицу секретаря было ясно, что он ни на грош не поверил этому оправданию, но развивать тему не стал.

Се Чунъянь сегодня сам сидел за рулем. Стоило юноше сесть в салон, как секретарь Цинь и дядя Чэнь почтительно попрощались и сели в другую машину.

Чэн Фань пристегнул ремень и заметил на подстаканнике аккуратный стаканчик с напитком.

— В нашем офисном центре открылась новая кофейня, — небрежно заметил Чунъянь, передавая ему стакан. — Коллеги хвалили их чай с молоком. Решил взять тебе на пробу.

Чэн Фань на мгновение растерялся, а затем тихо пробормотал:

— От него полнеют...

И тем не менее, бросив на мужчину быстрый, настороженный взгляд, он поспешно забрал напиток и прижал к себе.

— А в той коробочке печенье, — добавил Се Чунъянь. — Говорят, если макать его прямо в пенку, получается потрясающе.

Чэн Фань послушно открыл коробку и принялся сосредоточенно крошить печенье в стакан, стараясь делать всё аккуратно. Однако мысли его были заняты совсем другим.

«С чего вдруг такое внимание? Сначала это странное признание, потом спасение из темной гримерки, теперь вот сладости...»

Пальцы юноши на мгновение замерли, а брови озадаченно сошлись на переносице.

«Он что... действительно пытается за мной ухаживать?»

<http://bllate.org/book/19809/1996178>